

видно, только одному из авторов «Предисловия» — не Е. Винтеру, а Н. А. Фигуровскому. Нельзя не пожалеть и о купюрах в тексте, сделанных русской редакцией и даже не огороженных.

Сделанные нами замечания не умаляют ценности рецензируемого труда. Главное в нем — публикация важного источника по истории науки. Советские этнографы и археологи будут ждать выхода следующих томов «Материалов путешествия Мессершмидта», тщательно подготовляющихся немецкими историками науки. Вместе с тем хотелось бы пожелать советским ученым с такой же ответственностью подойти к подготовке комментариев к тексту, что отнюдь не легко и требует усилий представителей многих специальностей.

А. Формозов

М. Г. Рабинович. *Археологические материалы в экспозиции краеведческих музеев*, ч. II, М., 1961, 160 стр.

Периодически созываемые конференции краеведческих музеев и в особенности организованная в 1962 г. в Риге Объединенная сессия ученых советов Института этнографии АН СССР, Научно-исследовательского института Музееведения, Института истории АН Латвийской ССР, центральных и краеведческих музеев, посвященные современным задачам этнографии и этнографических музеев, показали, что краеведческие музеи остро нуждаются в методических и практических руководствах в области экспозиции. Одним из сложнейших вопросов является методика насыщения исторических и этнографических отделов музеев конкретным вещевым материалом, без которого экспозиция носит мало доходчивый до зрителя «бумажный» характер.

Рецензируемая книга М. Г. Рабиновича — одна из редких работ, откликающихся на эти насущные вопросы. Она написана очень живо и интересно и базируется на большом опыте автора в области археологии и музейной практики. Книга состоит из введения, четырех глав и 40 таблиц иллюстраций.

Во введении к книге сделан обзор археологических памятников и источников, которые должны быть взяты на учет и изучены местными краеведческими музеями, а также дается ряд конкретных указаний о консервации, реставрации и методах показа археологического материала в музейной экспозиции.

Первая глава рецензируемой работы посвящена поселениям и жилищу периода феодализма. Приведя большой материал по типам планировки сельских и городских селений, усадеб и отдельных жилищ русского населения Европейской части СССР, автор переходит к методике показа этого материала. Он подчеркивает резкое различие, существовавшее в тот период между народным жилищем и жилищем представителей феодальной верхушки, советует подавать этот материал в виде различных реконструкций и делится практическим опытом по макетированию. Узнав, что макетирование может быть успешно выполнено лишь при условии дополнения археологических данных историческими и этнографическими материалами, автор широко привлекает последние, однако в ссыльном аппарате не указывает даже основные этнографические работы. Между тем в практической работе краеведа такие как «Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края» (Л., 1926), как сборник «Культура и быт населения центрально-промышленной области» (М., 1929), «Восточнославянский этнографический сборник» (Л., 1956) и др. могут быть полезны не менее чем «История культуры древней Руси», на которую неоднократно ссылается автор. Этот же упрек можно бросить М. Г. Рабиновичу и в разделе, посвященном культовым сооружениям (стр. 32—33), этнографические материалы по которым (опубликованные, например, в работах Л. А. Динцеса) могли бы дополнить любую экспозицию.

Главы II и III рецензируемой книги посвящены характеристике занятий населения и становлению феодальных отношений. Автор показывает, как раскопанный материал с территории русской равнины дает возможность локализовать отдельные славянские племена и на каких предметах материальной культуры ярче всего выявляется племенная специфика.

Рассматривая вопросы становления феодализма, автор подробно останавливается на организации княжеской дружины, усовершенствовании оружия, появлении различных знаков и атрибутов власти, союзе феодалов с церковью, противопоставляет всему этому картину жизни простого народа и показывает, какими археологическими экспонатами можно это проиллюстрировать.

Таким образом, содержание работы подразделяется на три основных момента: 1) изложение содержания темы (в данном случае — основных вопросов истории материальной культуры, занятий населения и проблем феодализма на Руси) и, следовательно, содержания экспозиции; 2) характеристика (описание, перечень) имеющихся в распоряжении археолога (краеведа) предметов и 3) способы показа этих предметов. Все эти моменты нашли свое отражение в книге, но недостаточно четко и последовательно. Особенно это чувствуется в тех разделах I и IV глав, где автор, перейдя уже к вопросам показа, неоднократно возвращается как к самой тематике, так и к наличному археологическому материалу. Так, например, на стр. 27—28, 32—33 неоднократно говорит-

ся о городском жилище и макетировании его: на стр. 89—90 перечисляются женские украшения из погребений, хотя об этом речь была выше (стр. 76); на стр. 93—94 вторично дается характеристика феодального оружия, о чем следовало бы сказать в одном месте, а именно на стр. 79 и след. На стр. 99 описываются изменения погребального обряда, хотя вопрос этот был уже детально рассмотрен в начале главы. О жертвоприношениях знатью богатых рукодельных вышивок церквям говорится как на стр. 86, так и на стр. 102. Количество примеров таких повторений можно было бы увеличить. На наш взгляд, они как раз и свидетельствуют об отсутствии четкого членения материала. Нет четкости и в последовательности подачи иллюстративного материала.

Некоторые предложения автора по вопросам экспозиции представляются малоубедительными. Так, например, деревянные палочки с зарубками — «бирки» лишь с большой натяжкой можно трактовать как документы, свидетельствующие о взимании налогов или податей; с одинаковой вероятностью можно видеть в них и торговые «документы» или артельные знаки. Вполне можно согласиться с автором, что церковь веком от века становилась все богаче, но вряд ли в распоряжении музея, особенно на местах, может быть систематический материал по церковной утвари различных эпох.

Несколько слов о второй половине главы IV, повествующей о роли археологического материала в показе отдельных событий. Глава эта читается буквально с захватывающим интересом. Но такого рода материалы являются своего рода шедеврами, доступными лишь центральному музею, где они действительно и экспонированы. Поэтому вряд ли ими могут воспользоваться наши рядовые музеи, для которых в основном предназначена данная книга.

Несмотря на все вышеуказанные замечания, книга заслуживает самой высокой оценки. Она безусловно будет служить ценным и повседневно необходимым (к сожалению, пока единственным) пособием и руководством для музейных работников и краеведов.

В связи с этим можно пожелать, чтобы нужная и интересная работа, сделанная М. Г. Рабиновичем, была продолжена и для музеев тех районов и областей, в которых население многонационально.

Т. Станюкович

Эстонская народная одежда XIX и начала XX века, Таллин, 1960, 247 стр.

Книга подготовлена Этнографическим музеем и Институтом истории Академии наук Эстонской ССР и издана на эстонском и русском языках, с незначительными отличиями (текст на русском языке немного сокращен, добавлено несколько рисунков).

В результате совместной работы коллектива научных сотрудников и художников создан труд, который можно назвать энциклопедией эстонского народного костюма. Практическая задача этого издания — дать руководство по изготовлению одежды для коллективов художественной самодеятельности, что авторы тесно связали с задачами научного исследования эстонской народной одежды и широкого показа богатейших этнографических коллекций Музея по эстонскому костюму.

Данный труд не является первым в изучении эстонской одежды, но он выгодно отличается от работ, изданных в Эстонии в период власти буржуазии; в противоположность этим работам в рецензируемом труде история одежды рассматривается в связи с историей самого народа, а не в отрыве от нее. Авторы стремились преодолеть старый вещеведческий подход к изучению одежды и показали исторически сложившиеся комплексы эстонского крестьянского костюма. Важно и то, что рецензируемый труд обобщает результаты исследований, проведенных в советское время.

Книга состоит из нескольких разделов. Во введении — «Из истории развития эстонской народной одежды» (автор — ответственный редактор книги акад. Х. А. Моора) выявлены основные этапы развития эстонской одежды, начиная с древнейших времен. Привлечены археологические данные, на основании которых произведена реконструкция женской одежды XIII в. На рис. 9 приведена замечательная находка из болота Париселья (западная Эстония) — шерстяная туникообразная одежда, датируемая XIV—XV вв., которая позволяет провести параллели со славянскими одеждами. Автор выделяет период феодальной раздробленности, а затем период усиления крепостничества (XIII—XVII вв.) и особо XVIII век, когда усилился процесс разложения феодализма и шло развитие капиталистических отношений, рассматривая изменения эстонской одежды в эти периоды вплоть до середины XIX века.

Основной раздел книги — «Эстонская народная одежда в XIX и начале XX века». Здесь выделены костюмы главнейших историко-культурных областей: южной, северной, западной Эстонии и островов Сааремаа, Муху и Хийумаа. Авторы (А. А. Воольмаа, Т. Я. Выги, Э. К. Льюке, Л. Б. Трээс-Сакс, Т. М. Хибихт) дают краткую историю этих областей, характеризуют комплексы одежды первой половины XIX в., изменения их в конце XIX и начале XX в. и описывают отдельные элементы костюмов. Представлено около 40 локальных разновидностей мужской, женской и девичьей одежды. К сожалению, историко-культурные связи народов на основании изучения одежды освещены ску-